

Мрабуча молодого журналиста

№ 1
ноябрь
1998

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

Консерваторская «Сказка»

Ура! Свершилось! 29 октября в Рахманиновском зале Московской консерватории была исполнена «Сказка о солдате» И. Ф. Стравинского, читаемая, играемая и танцеваемая». Наконец-то наши показали, на что они на самом деле способны!

Почему — наши? Да потому что они тоже учатся в Консерватории (а кто-то и не в Консерватории — даже в техническом вузе), они тоже молодые, тоже любят музыку. Но кроме того могут представить ее так, чтобы полюбили другие. Превратить то, что мы привыкли слышать в сопровождении треска фонотечного динамика в музыкально-сценическую феерию.

Произошло действительно значительное событие в столичной музыкальной жизни. Ведь после постановки в Большом театре в 1964 году музыка «Сказки» исполнялась лишь в концертах. И вновь произведение ставит некая-нибудь знаменитость с мировым именем, а наши Коля Толоконников (он учится в Консерватории на IV курсе как теоретического и на II как симфонический дирижер). Он и «продюсер» — сам нашел всех исполнителей (музыкантов, актеров, балерину) — и режиссер, и дирижер. Собранный им инструментальный септет сыграл далеко не простое для исполнения сочинение Стравинского на высоком профессиональном уровне. Заметим, что за исключением скрипки Елены Листратовой из Петрозаводска, все музыканты — наши, консерваторские: Алексей Богорад (кларнет, III курс МГК), Андрей Рудометкин (фагот, IV курс), Алексей Корнильев (корнет-а-пистон, I курс), Анатолий Федотов (тромбон, I курс), Николай Гаврилов (ударные, IV курс), Дмитрий Рогов (контрабас, II курс). Bravo, молодые исполнители! Честь и хвала и дирижеру — ведь это его первое выступление.

Музыку «Сказки» Стравинского органично дополняет сценическое действие. И такое, которое никого из зрителей не оставит равнодушным. Сценический ряд выстроен постановщиком в соответствии с указаниями композитора (только перевод либретто Рамю — новый), и в то же время — для современного зрителя, на современном языке. Тут и Чтец в бардовом пиджаке, потягивающий пиво за пластмассовым столиком из кафе-

ки, и сообщение о курсе доллара в книге Черта... Кроме балерины, все найденные Колей актеры — любители. Однако роли распределены так удачно, у артистов столько задора, непринужденности, неожиданных для дебютантов. Очень удачно ими схвачен элемент игры, свойственный произведениям Стравинского. А сколько режиссерских находок! Взять хотя бы сцену карточной игры Солдата и Черта, особенно эпизод, когда Солдат восклицает: «Ставлю все!!!», и из его

карманов на стол обрушивается целый водопад монет, стук и звон которых заглушается еще более громким смехом публики... Или звучание скрипки Солдата в руках Черта, которое можно сравнить разве что со скрежетом ржавых шестеренок... А великодушный хореографический номер балерины и pas de deux с Солдатом, где в равной степени восхищения достойны и техника, и остроумие! (И когда это второй наш Коля — Коля Орловский, теоретик с III курса, сыгравший Солдата, научился танцевать? Да еще притворяться, что не очень выходит — маршировать, дескать, оно как-то привычнее!). А музыкально-хореографический поединок Солдата и Черта, когда Солдат «жарит» на скрипке, а проигрывающий сражение Черт с поразительной пластикой стелется по полу и вертится волчком! Действительно — феерия, полная остроумия и изобретательности. Даже в финале — один за другим смолкают инструменты, и Черт под барабанный бой увлекает утратившего счастье Солдата в Присподнюю. (Кто бы мог подумать, что нашего героя-победителя ожидает такой фатальный конец? Что это — торжество всепобеждающего зла или розыгрыш, авторский смехок в сторону легковверной публики? Или, может быть, скептическая, «Стравинская» жизненная правда?..)

На две секунды публика замирает в недоумении. И — аплодисменты, сначала неуверенные, затем все громче и веселее. Наши герои дня выходят на сцену и их жизнерадостное пред-

ставление продолжается. Кажется, что игра для них — уже способ существования: вот Чтец дергает Черта за хвост, Солдат марширует и «отдает честь» аплодирующей публике... Свою значительную долю рукоплесканий получают и инструменталисты — кажется, в этот момент несколько человек одновременно пожалели, что у них нет запасных ладошек.

Просто удивительно, насколько оживленной может быть публика. Продвигаясь миллиметровыми шагами к гардеробу, все что-то горячо обсуждали, делились впечатлениями. Были и критические замечания, но — ни одной равнодушной физиономии. Так и должно быть в день праздника — праздника для всех, кто любит музыку. Спасибо за него, ребята!..

Вскоре мне представилась возможность лично поблагодарить Колю Толоконникова и побеседовать с ним о «Сказке».

Откуда же взялась сама идея поставить ее в Рахманиновском зале Московской консерватории? Событие действительно небывалое, ведь если на этой сцене когда и происходило театральное действие, то во всяком случае без участия балерины. И какая дерзость со стороны молодых исполнителей! Оказывается, замысел воз-

ник внезапно, можно сказать, по воле случая. Как три орешка, которые сами свалились Золушке на нос. Все началось с того, что Коле поручили найти инструменталистов для постановки «Сказки о солдате» совсем в другом месте, с участием настоящих актеров и запланированным выездом за рубеж. Исполнителей он нашел, прослушал, а потом подумал: почему бы самому не попробовать продиржировать и поставить «Сказку»? Ведь это единственный в своем роде музыкально-сценический замысел, который можно осуществить без привлечения профессиональных актеров. Как сам он прокомментировал, *возникла идея, а потом под эту идею сложились обстоятельства*.

прохаживался взад-вперед и рассуждал: «Вот я и говорю. А почему бы не я? Почему бы мне и впрямь не взять, да и не обзавестись подружкой для себя одного?»

Надежда Зиновская (аспирантка РГГУ, театровед) уже собрала огромное количество материалов, касающихся истории постановок «Сказки о солдате». Борис Мухомов (студент МГК, музыковед) уже практически обдумал вступительное слово, которое он произнесет на спектакле. Анастасия Демьяшкينا (выпускница МГУК, художник по росписи ткани) уже была близка к завершению работы над декорациями, когда, наконец, появились — балерина Ярослава Крюкова (студентка МОКИ), исполнившая роль царевны, и ее подруга Елена Мецкерякова (студентка РГГУ), поставившая и срежиссировавшая танцевальную сцену из второй части спектакля. Как заметила дежурная: «Здесь балет? У нас в консерватории ничего подобного никогда не было».

...И вот долгожданный день. День премьеры. Рядом с костюмами в бес-

Но представьте себе, сколько работы пришлось проделать — и организаторской, и дирижерской, и режиссерской! Хотя бы найти семерых инструменталистов и в течение двух месяцев их, вечно занятых (учеба, работа), регулярно собирать на репетиции. И не просто собирать, а добиться отличного результата. Правда, у знатоков, как всегда, находятся претензии к дирижерскому жесту, но кто бы ни отзывался о постановке, всяческие замечания следуют лишь после признания того, что музыка была сыграна хорошо. Это очень радует самого дебютанта. Он знает свои недоработки, но произошедшее событие для него важный этап на пути к дальнейшему совершенствованию. И он не собирается останавливаться на достигнутом — запланирована вторая «редакция» спектакля.

Конечно, для выступления в Консерватории замечательная музыка и ее профессиональное исполнение важнее всего. Но ведь в данном случае надо было еще продумать постановку, пройти роли с актерами-любителями и выстроить сценическую часть, гармонично дополняющую музыкальную. Режиссерскому делу Колю никто не учил, и у меня сразу возник вопрос: неужели не страшно было браться за совершенно незнакомое дело? Оказывается, нет. Кто об этом думает, когда открывает вдохновение, желание создавать прекрасное! А раз так, то не остановят «мелочи»: пусть приходится отбивать у несговорчивых диспетчерш классы для репетиций, или заниматься с исполнителями в общежитии, в электричках, на улице, заботиться о декорациях, освещении, костюмах, реквизите, добиваться разрешения на постановку у ответственного за пожарную безопасность (накануне назначенной даты спектакль чуть не сорвался именно из-за этого разрешения)...

И несмотря ни на что — свершилось. За труды ребятам досталась заслуженная награда — переполненный зал, бурные овации. Нашего маэстро очень порадовали интерес и доброжелательность публики: вообщем, *я чувствую себя счастливым человеком. Потому что это произошло и я в этом участвовал... Просто поучаствовал*.

Елена Петрикова, студентка III курса

СТУДЕНЧЕСКОЕ СЛОВО

Мы начинаем новое дело. Начинаем издавать свою газету. Пусть и не от хорошей жизни: экономические трудности, увя, замучили наш дорогой «Музыкант», который из двухнедельного издания постепенно превратился в двухтрех (а иногда и более)-месячно, причем настолько неопределенное по срокам, что и периодичкой трудно назвать. Все, конечно, когда-нибудь наладится. Но учебный процесс не ждет, и как молодым исполнителям и композиторам нужна сцена сегодня, сейчас, каждый день, так и молодым журналистам нужна своя регулярная печатная трибуна. Тем более, что время теперь другое: компьютеры и принтеры, издательский редактор и ксерокс, прекрасные специалисты вычислительного центра и студенческий энтузиазм — со всем этим богатством можно (и уже нужно!) делать самим свое периодическое издание.

И вот наша традиционная студенческая «Трибуна молодого журналиста» пускается в самостоятельное плавание. Модулирует из рубрики газеты в ее приложение. Теперь не только качество текста требует авторского внимания, но и другие, важные для газетного дела аспекты — оперативность, злободневность. Особенно хотелось бы, чтобы жизнь Консерватории, достаточно насыщенная творческими событиями, была интересно представлена в студенческой газете, а пристрастный взгляд молодых журналистов и их слово «о времени и о себе» волновало бы (радовало, задавало) современников, а когда-нибудь заинтересовало бы и историков.

Хотя спецкурс музыкальной критики и журналистики читается музыковедам третьего курса, молодая газета, естественно, — не только для них. Не потерявшие своей актуальности материалы прошлого выпуска, как и любые другие студенческие выступления — могут найти себе место в новом издании. Равно как и в старом — основой газетной Консерватории, естественно, остается «Российский музыкант».

Перед читателем — первый, «пилотный» номер. Но мы хотели бы, чтобы новая «Трибуна» выходила регулярно — раз в месяц. Дальнейшее подскажет жизнь. И, может быть, кто-то из студентов, авторов и выпускающих очередной номер, вдруг почувствует в этом свое призвание, увидит свою будущую дорогу, по которой захочется идти дальше уже с дипломом в кармане.

проф. Т. А. Курьшева, руководитель курса музыкальной журналистики и «Трибуны»

Мы разыгрались

Маэстро Николай Толоконников возник передо мной как всегда неожиданно, в одном из консерваторских коридоров. Приветливо блеснув своим горящим взглядом, он достал из портфеля кипу бумаги: «Возьми, почитай». Я спросил: «Зачем?»

Он: Просто так. Я: Ничего не понимаю. Он: Дома, в спокойной обстановке, ознакомься, а деншка через два расскажешь, на какие мысли тебя это навело. Я: Ты что-то задумал! Он: Позже поговорим. Я: Я заинтригован, объясни. Он: Пока рано. Я: Но теперь мне трудно будет заснуть. Он: Потерпи чуть-чуть. Я: Сейчас или никогда. Он: Я хочу это поставить. Солдатом будешь? Я: Да. Он: Хорошо. Тогда скажи, что ты делаешь в пятницу вечером?..

В пятницу вечером из-за закрытой двери комнаты № ***, что находится в общежитии Московской консерватории, чей-то голос авторитетно заявил: «Эта книга стоит миллионы! ее доста-

точно только открыть, и оттуда посыплются биржевые акции, банковские билеты, дорогие ассигнации, золотые монеты, золото!». «Я хочу быть чертом, — извиваясь, шептал Артемий Милков (студент МФТИ), — я прирожденный чёрт». Сказав это, он прогнулся назад и снизу вверх выразительно посмотрел на маэстро Николая Толоконникова. «И что же ты теперь будешь делать?», — с расстановкой произнес Александр Цыплицин (студент МФТИ), стоящий в позе «торговца скотом» перед входной дверью. «Да, приятель, ты пропал!»

С этого дня то там, то здесь москвичи и жители ближайших пригородов столицы стали наткаться на отголоски весьма странных явлений. В один из солнечных сентябрьских дней, например, в самом центре Кутузовского проспекта все отчетливо услышали: «Я умер, умер. Я — вне жизни. Я — мертвый среди живых». А двумя сутками позже, на платформе Болшево (близ Мытищ) группой очевидцев был замечен молодой человек, который, подбоченившись,

порядке разбросаны игральные карты, патроны, оружие, портреты милой (несколько вариантов, некоторые из которых не были допущены к спектаклю по цензурным соображениям), деньги бумажные, деньги металлические, смывки скрипичные, бутылки, стаканы и кое-что еще. Александр Комаров (студент МГК, музыковед) и Александр Праченко (солист театра им. Станиславского и Немировича-Данченко) — «бойцы невидимого фронта». Они водружают на место занавес, ширмы и, под руководством Анастасии Демьяшкной, устанавливают декорации. Декорации выполнены на хлопке в технике батик. Одна из них представляет собой пейзаж на берегу ручья (для первой сцены), другая — изображение села с виднеющейся вдали колокольней. Для заключительной сцены уже подготовлен, но пока отложен в сторону, пограничный столб.

Идет генеральная репетиция. После начального диалога солдата и чёрта на авансцене остается лежать рюкзак. В

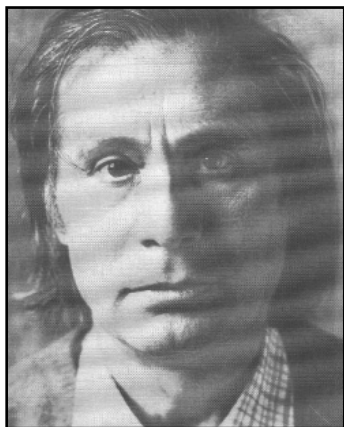
следующей картине солдат ударяется головой о перекладину занавеса, а чёрт падает со стула настолько естественно, что вся конструкция импровизированного театра еще долго и зловеще вздрагивает. Маэстро Николай Толоконников при этом не сохраняет спокойствие. Добрался до финала. Вот чёрт уводит солдата куда следует, но они оба не слышат криков которые полагаются в этом месте за сценой. Маэстро Николай Толоконников прекращает дирижировать и медленно опускается на стул: «Вы здесь? А я думал, что вы уже ушли».

Две минуты до начала представления. Голос маэстро Николая Толоконникова из-за ширмы: «Как только чтец выйдет на сцену, музыканты должны садиться и разыгрываться».

— Нам не надо разыгрываться, мы и так разыгрались.

— Вы будете разыгрываться. Это входит в мой замысел. Спектакль должен начаться неожиданно.

Николай Орловский, студент III курса

Памяти Альфреда Шнитке

24 ноября Альфреду Гарриевичу Шнитке исполнилось бы 64 года. В конце сентября в Московской консерватории состоялось необычайно теплое мемориальное собрание памяти недавно ушедшего художника. Среди его участников были гости — сестра композитора И. Г. Шнитке-Комарденкова, Протоиерей Николай (Ведерников), ректор Института музыки им. Шнитке В. И. Горлинский, кинорежиссер А. Ю. Хржановский, музыковед А. Е. Петров, педагоги (проф. Р. С. Леденев, проф. В. Н. Холопова, проф. Т. А. Курышева, доц. Е. И. Чигарева и др.) и студенты консерватории. С духовными песнопениями композитора выступил хор МГК во главе с проф. Б. Г. Тевлиным.

«Как духовник я заметил в нем как бы два пласта бытия. Внешний слой — это его необыкновенная открытость, живость, общительность, острый ум, подмечающий все очень точно, и, конечно огромная эрудиция во всех областях. Внутренний, глубинный пласт бытия, сокрытый от взоров посторонних, это — глубокая вера, внимание к своей внутренней жизни. Я заметил в нем необычайную чуткость совести и большую ответственность перед Богом за свою жизнь. Это отразилось и в его творчестве». (Из выступления Протоиерея Николая.)

МОНОЛОГ

Сочинение А. Г. Шнитке «Монолог» не может не затронуть глубины человеческой души. Любимый живущий и мыслящий, хоть когда-нибудь испытывавший и перенесший физическое или душевное мучение, непременно, отзовется на эту особую, странную и очень болезненную музыку, которой автору в самом совершенстве удалось найти музыкальное воплощение образа страдания, обреченности и одиночества. Будучи уже тяжело больным человеком, познав суетность жизни перед вечностью, он пронесет свой Монолог, в котором, может быть, мгновениями еще вспыхивает надежда, но победу (нам-то теперь уже известно!) она не одержит...

Целостность состояния, единая линия, мысли, не переставшая пульсировать даже в паузах — этих страшных фрагментах оцепенения, вовлекает сознание в сферу сострадания, сопереживания. Но не всякий способен выдержать их: юная жизнерадостная душа отторгнет чу-

жую боль, не захочет страдать совместно с тем, кто уже обречен. Но тот, кто не отвернется, чем облегчит эти муки? Возьмет ли еще одну ношу дополнительно к своим? Ведь Боль кажется бесконечной, не давая жертве ни мига отдыха, хотя бы в виде награды за терпение...

Голос одиночества, «голос отчаяния» — он подобен тоскливому вою волчицы в глухом лесу, испытывающему наши душевные силы. И с ним невозможно мириться, и не слышать его тоже невозможно. Он множит в пространстве скорбь, и сомнения пускают корни, и вопрос остается без ответа, и кажется, что чья-то жизнь уже на краю пропасти. Но разве может кто-нибудь рассеять нарастающую тревогу и смятение? Самое большее, что в человеческих силах, — беспомощное и безмолвное созерцание этого замкнутого круга, этого отчаяния, борьбы, отрицания и мольбы, и безысходности...

Мужественная борьба с жестокой силой, подталкивающей туда,

где жизнь земная перестает быть, продолжается с первой и до последней ноты. Это и мучительные поиски выхода в самом начале, и последние конвульсии при угасающей свече, завершающие картину. Умирать никогда не хочется, и борьба со смертью и отчаянием — смысл нашего существования, пока мы живы...

Трагедия изначально подразумевает катарсис, просветление. Это действие, где люди подвержены страданию и состраданию, и результат которого всегда, знаменует очищение. Но изнывает сердце оттого, что очищение это приносит нам великие люди своей жизнью, хотя, может быть, иначе они и не были бы великими. И невольно задумываешься, насколько ты способен пережить подобные испытания, в одиночестве, когда никто не сможет ответить? И хватит ли у тебя отважных сил не отвернуться, бесконечно сострадавая уходящему человеку?..

Жанна Сипапина, студентка III курса

АНГЕЛОГЛАСНОЕ ПЕНИЕ

В университетском храме святой мученицы Татьяны работает замечательный музыкант — Глеб Печенкин, руководящий певческой церковной школой для мальчиков. Окончив Московскую Консерваторию по классу композиции, он занялся благородным творчеством, еще в годы учебы увлекавшим его — возрождением традиции пения по крюкам.

Искусство крюкового пения на Руси уходит корнями в глубь веков, и поэтому практика требует необходимую теоретическую подготовку — знание крюковой нотации, традиции ее бытования, певческих школ. Перед молодым музыкантом стояла проблема коллектива — кто будет исполнителем? И он ее решает — приходит работать в певческую школу для мальчиков.

Раньше певчих на Руси обучали специально, в монастырях, где они учились искусству распева на один год, пока не становились профессиональными певчими. В настоящее время отрадню наблюдать, как бережно, с любовью возрождаются прерванные традиции, в том числе и церковное пение. Мальчики приходят в школу, в основном, в раннем возрасте, с пяти лет, но есть ребята и постарше; соответственно формируются группы мальчиков. Сейчас существует три состава, отличающиеся уровнем подготовки — начальная стадия обучения, средняя группа и старшая.

Случайно мне удалось присутствовать на одном из уроков Глеба, и впечатление превзошло все ожидания. Светлые, непорочные детские лица, доверчивые глаза смотрят на учителя. У каждого своя папка с песнопениями, кото-

рые записаны крюками. Все ученики самостоятельно должны пропеть определенные песнопения — стихирю, тропарь, прежде чем запойт все вместе. Освоив основные крюки, ребята постепенно, песнопение за песнопением, осваивают попевок. Удивляешься, как свободно и легко читают они сложные крюки, подобно тому, как дети в школах читают ноты. Глеб рассказывает, что его задача — научить детей раскрепощенно чувствовать себя во время пения, ведь им необходимо петь и дирижировать, помогая движениями рук. Пение по крюкам — это особое искусство, несущее в себе сакральную семантическую окраску. Каждый знак символичен, и это отражено в его названии и движении рук. Талантливый педагог, Глеб добивается, чтобы каждый ребенок свободно чувствовал себя в исполнении, и ему это удается.

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ

Что означает само понятие «современная музыка»? Наверное, эта любая музыка, которая создается в настоящее, современное нам время. Но что подразумеваем мы, когда слышим это словосочетание? Целую массу различных явлений. Во-первых, это вся музыка XX века, хотя конечно очень странно воспринимать в качестве современной музыку, написанную почти 100 лет назад. Во-вторых, под этим словосочетанием мы понимаем более узкий пласт музыки, а именно современную академическую музыку, «серьезную» музыку, противопоставляя ее развлекательной, всякой поп-, рок-, рэп-, и т. д. культуре. В-третьих, в определенном смысле это понятие относится как раз к последним, к так называемой массовой культуре, противопоставляемой «классике».

Все это правильно и каждое по-своему, но что же представляет собой наше современное музыкальное искусство в целом? Можно выделить в его недрах две кардинально противоположные ветви, это — академическое искусство и массовая культура. Но почему происходит такое разделение? Ведь человек-то один, он не разделяется на части. И музыка теперь создается в расчете на определенные слои населения? К сожалению, в настоящий момент происходит именно так, хотя очень жалко, что самый коммуникативный вид искусства становится столь однозначно разделенным на две почти совсем не взаимосвязанные части, причем каждая их них безвозвратно теряет при этом что-то очень важное.

Но ведь раньше, в прошедших столетиях этого не было! Раньше музыка не разделялась на серьезную и несерьезную. Она была единая. Еще в XIX веке самым свет-

ским развлечением было посещение оперы, а игра виртуозов завораживала публику не меньше концертных шоу современных поп-звезд. Моцарт, Шуберт и другие композиторы писали время от времени просто танцевальную музыку. А вот теперь представьте себе, что Губайдулина, Штокхаузен или Булез напишут современные дискотечные хиты... В голове не укладывается, правда? Ведь академическая музыка и масс-культура противопоставлены сейчас, в конце XX века во всем!

Воспринимать «серьезную» музыку без предварительной подготовки и колоссальных умственных усилий сложно даже музыкантам-профессионалам. Но ведь профессиональными узами связаны с музыкой далеко не многие, а по-настоящему понимают эту сложную музыку и получают от нее эстетическое наслаждение еще меньше. Получается, что современная академическая музыка резко ограничена в своей слушательской аудитории очень элитарна, что видно по полупустым залам редких концертов. А как обстоит дело на другом полюсе? Здесь в противовес усложнению в академической музыке, действуют всестороннее упрощение музыкального языка. Это искусство доступно по восприятию всем, но духовного и умственного начал за редким исключением, не несет. Эта культура базируется на колоссальных деньгах, и главным критерием здесь является не музыкальный уровень сочинения а спрос массового потребителя. В современном музыкальном искусстве, на мой взгляд, только киномузыка может претендовать на соединение принципов академической и массовой культур. Она изначально должна быть доступна любой слушательской аудитории, но в то же время ее внутреннее строение и все музыкальные компоненты находятся на высоком современном уровне развития.

Почему происходит разделение музыкального искусства, почему оно все более углубляется, к чему все это приведет? Ведь цель искусства вообще — духовное, нравственное совершенствование человека. А для этого музыку надо понимать (тогда для многих отпадает академическая музыка), и она должна нести в себе какие-то идеи (отстает масс-культура). Может быть поэтому, не находя ответы на насущные вопросы в современной музыке, взоры многих музыкантов и простых слушателей обращаются к искусству прошлых столетий, находя в нем и идеи, и чувство, и вечные истины.

Ольга Живаева, студентка IV курса

Вера Серебрякова, студентка IV курса

МОСТ В МОСКВУ

11 августа 1998 года в культурной жизни России произошло, на мой взгляд, значительное событие: в Москве, на стадионе «Лужники», состоялся единственный концерт легендарной группы «Rolling Stones». Мне посчастливилось побывать на нем. То, что я увидел, запомнилось мне на всю жизнь...

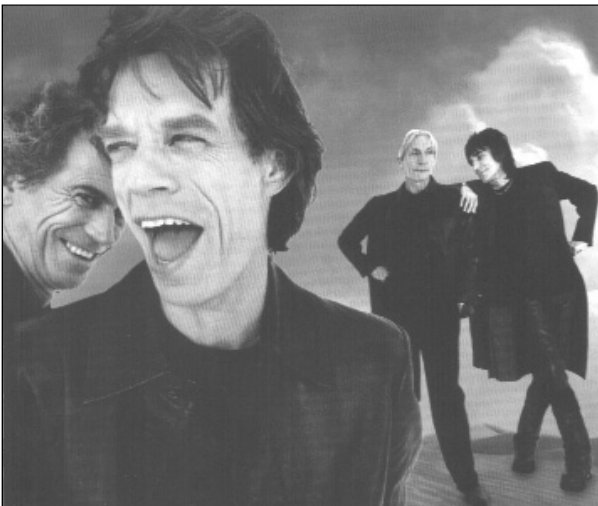
Сначала — короткое выступление «разогревающей» группы. Далее — томительное ожидание. Проходит двадцать минут, тридцать, час... Приблизительно в 21.45 гаснет свет. Шоу начинается. Медленно расходитя занавес, из динамиков раздается экзотическая, скорее всего африканская музыка. Над сценой установлен огромный, овальной формы видеоэкран, транслирующий то, что происходит на сцене. На нем зажигается изображение разъяренного, вставшего на задние лапы льва; это эмблема последнего альбома группы «Bridges To Babylon» — «Мосты в Вавилон». Сцена погружена в полумрак.

Вдруг «африканская» музыка прерывается громким вступлением электрогитары, взрываются петарды по краям видеоэкрана, сцена

ярко освещается прожекторами, и — наконец-то, свершилось! Мы видим легендарных «роллингов»!

Стадион взрывается бурными овациями и криками приветствия: по первым звукам все узнают самую известную песню «Rolling Stones» — «Satisfaction». Затем на ошеломленную публику обрушивается каскад классических хитов: «Let's Spend The Night Together», «Gimmie Shelter», «Honky Tonk Women»; которые чередуются с новыми — «Flip The Switch», «Anybody Seen My Baby?», «Out Of Control» и другими.

Перед приездом в Россию лидер группы Мик Джетгер выучил несколько фраз на русском языке, которые продемонстрировал на концерте в Москве. Он остроумно представил по-русски членов своей группы: гитариста Рона Вуда назвал «сумасшедшим художником», ударника — «нашим спокойным Чарли Уоттсом», соло-гитариста Кита Ричардса — «диким цыганом». Кроме них в концерте принимали участие и приглашенные музыканты (бас-гитарист Деррил Джонс, клавишник Чак Ливелл, небольшие ансамбли —

вокальный и духовой), которых Джетгер представил по-английски.

Музыкальная сторона концерта была безупречна; живые выступления — одна из самых сильных сторон творчества «Rolling Stones». Контакт с залом для них — любимая стихия. Мик Джетгер в перерывах между композициями очень живо общался со зрителями. Кит Ричардс дал понять публике, что владеет не только гитарой. Во время исполнения песни «Honky Tonk Women» он сыграл правой рукой короткое, но

очень виртуозное соло на синтезаторе, а кроме этого сам спел одну незаслуженно забытого гитариста «Underscore» 1983 года, другую — из альбома «Bridges To Babylon». Восхитила также чувственно-экстатическая вокальная импровизация черной кожей вокалистки Лизы Фишер в композиции «Gimmie Shelter».

А в середине концерта нас, зрителей ошеломила потрясающая сюрприз. С замиранием сердца мы наблюдали за тем, как в воздухе постепенно вырастал мост, ведущий от большой сцены к маленькой, находящейся в середине партера. Музыканты быстро переместились туда и на этой крохотной сценке выдали 3 зажигательные композиции: «It's

Only Rock-n-Roll But I Like It», «You Got Me Rocking» и «Like A Rolling Stone». На большую сцену возвращались они по узкому подиуму, обмениваясь по пути краткими рукопожатиями со зрителями. Мне посчастливилось наблюдать за «роллингами» с расстояния двух метров!..

Глубокие морщины уже легли на лица Мика Джетгера и Рона Вуда, последние волосы Кита Ричардса и Чарли Уоттса; но также как и 30 лет назад их глаза горят юношеским огнем, а в сердцах живет бунтарский дух рок-н-ролла. Сегодня они бунтуют уже против своего возраста. Слушая «роллингов» невозможно поверить в то, что Мик Джетгеру и Киту Ричардсу по 55 лет, а Чарли Уоттсу — 57.

Московский концерт группы «Rolling Stones» закончился песней «Brown Sugar». Во время ее исполнения на зрителей посыпалось конфетти, также был дан салют. Мик Джетгер после этого пожелал москвичам спокойной ночи, и группа удалилась...

После России «Rolling Stones» дали еще несколько концертов в других странах, на чем их мировое турне «Bridges To Babylon» успешно завершилось.

Алексей Истратов, студент III курса